

RU

Фигура Матери в современной шведской литературе о мигрантах как фактор формирования культурной идентичности

Моркина М. А.

Аннотация. Цель исследования - раскрыть особенности влияния фигуры Матери на формирование культурной идентичности в шведских романах «Можешь ли ты произнести “шибболет”?» (шв. “Kan du säga schibbolet?”) М. Бахтиари (шв. M. Bakhtiari) и «Дневники Свенхаммеда» (шв. “Svenhammeds journaler”) З. Бечевича (шв. Z. Bečević). В статье исследуются характерные признаки гибридной идентичности, а также определяется роль женщин в передаче культурного опыта. Научная новизна исследования заключается в подходе к современной шведской литературе с точки зрения постколониальной теории. Впервые в шведских произведениях выявлена особенность постколониального дискурса - акцентирование глубокой связи между Матерью и культурной принадлежностью. В результате определено, что характер общения с матерью и старшим поколением женщин оказывает влияние на формирование культурной идентичности протагонистов.

EN

Mother Figure in the Modern Swedish Literature about Migrants as Factor of Cultural Identity Formation

Morkina M. A.

Abstract. The study aims to shed light on how the Mother figure influences cultural identity formation in the Swedish novels “Can You Say Shibboleth?” (Sw. “Kan du säga schibbolet?”) by M. Bakhtiari and “Svenhammed’s Diaries” (Sw. “Svenhammeds journaler”) by Z. Bečević. The article examines characteristic features of hybrid identity and also defines women’s role in cultural experience transmission. Scientific novelty of the study lies in approaching the modern Swedish literature from the viewpoint of the postcolonial theory. For the first time, the researcher has identified a feature of the postcolonial discourse in the Swedish works, which is emphasis on deep connection between the Mother and cultural identity. As a result, it is determined that nature of communication with the mother and the older generation of women influences the protagonists’ cultural identity formation.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена фактами современной истории и политики. Как известно, Швеция за последние десятилетия превратилась в многонациональную и многокультурную страну. Тема адаптации, интеграции и культурной идентичности выходцев из других стран уже давно является одной из центральных для современной шведской литературы. Как авторы иностранного происхождения, так и шведские писатели часто затрагивают в своих произведениях такие важные вопросы современности, как иллюзорность перспектив признания мигранта полноправным членом шведского общества, отсутствие у него возможности работать по специальности из-за незнания шведского языка, предрассудки принимающего общества по отношению к мигрантам, нежелание вновь прибывших интегрироваться в новую для них реальность и т.д. Важно отметить, что авторы нешведского происхождения помимо перечисленных моментов часто выводят на первый план проблему культурной идентичности своих героев.

Мультикультурализм, политики которого долгое время придерживалась Швеция, чтобы разрешить новые для страны проблемы, связанные с резким притоком мигрантов в середине прошлого века, является прямым следствием постколониального положения вещей в мире, для которого характерны сосуществование различных культур на фоне культуры принимающей, размытие культурной идентичности и, наоборот, желание четко ее определить, обращение к фигуре Женщины и Матери как носителю культурного начала. Так как все перечисленные постколониальные черты можно обнаружить в современной шведской литературе, заявленное в аннотации

статье сочетание понятий «постколониальная теория» и «современная шведская литература» представляется нам оправданным, несмотря на то, что Швеция никогда не имела колоний в странах Африки и Азии.

В данной статье исследуется такая особенность постколониальной литературы в целом и современного шведского литературного постколониализма в частности, как фокусирование авторов и героев на связи между Матерью и родиной и, следовательно, определение культурной идентичности.

Для достижения указанной цели следует решить ряд задач: во-первых, теоретически обосновать важность фигуры Матери для формирования культурной идентичности; во-вторых, проследить за конкретными проявлениями связи протагонистов с матерями в текстах произведений, являющихся объектами анализа; в-третьих, сделать выводы о степени влияния фигуры Матери на культурную и личностную целостность протагонистов.

Для реализации поставленных задач использованы следующие методы исследования: историко-генетический, психоаналитический, герменевтический.

Теоретической базой исследования послужили работы, предметом которых является проблема формирования культурной идентичности. Так, Х. Баба (англ. Н. Bhabha) [7] исследует актуальное для данной работы понятие «гибридная культурная идентичность», В. Крюгер [2] изучает такие конструкты, как «идентичность», «альтеричность», «гибридность» и их взаимосвязь, С. де Бовуар (фр. S. de Beauvoir) [1] посвящает свою знаменитую работу изучению роли женщин в жизни общества, П. К. Найар (англ. P. K. Nayyar) [9] обобщает основные установки постколониальной теории, К. Левин [3] занимается исследованием социальной психологии и идентичности, сферой интересов Т. Г. Стефаненко [4] выступает этнопсихология.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье материал может использоваться для расширения культурной валидности постколониальной литературной парадигмы и перспективы включения в нее современной шведской литературы о мигрантах, что, в свою очередь, позволит рассматривать ряд литератур других европейских стран, никогда не владевших колониями, а также национальные литературы, традиционно считавшиеся «периферийными», с точки зрения постколониальной теории.

Кроме того, материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарной направленности и на филологических факультетах в рамках спецкурсов и спецсеминаров по истории зарубежной литературы и компаративистике. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников и учебных пособий по концепциям современной теории литературы.

Роль фигуры Матери в постколониальной теории

Как уже было сказано выше, в результате анализа способов репрезентации культурной идентичности и инаковости в современной шведской литературе о мигрантах мы пришли к заключению, что данную литературу справедливо рассматривать в рамках постколониальной культурной и литературной парадигмы. Изучим этот вопрос более подробно.

Важно отметить смещение приоритетов, произошедшее в современной шведской литературе, когда на сцене общественной жизни появились мигранты во всем многообразии их судеб. Перемещая фокус повествования на внутреннее переживания мигранта, восприятие им новой действительности, его возможность или невозможность адаптации в принимающей культуре, тоску по родине и родному языку, авторы заводят важный для Европы и всего мира разговор об ответственности благополучных стран перед бедными, о равноправии и равноценности каждого индивида, а также пытаются определенным образом означить предрассудки, существующие в обществе по отношению к культурной и этнической инаковости. Подобное изменение кода повествования переводит современную шведскую литературу (а также общественно-политический дискурс и кинематограф) в парадигму постколониального письма, свойственного как коренному населению бывших метрополий, так и жителям бывших колоний. Подобное изменение может проявляться на содержательном уровне, например, во введении в повествование деталей «информационного» плана с целью знакомства читателя с ментальными и бытовыми этническими особенностями представителей других стран, в акцентировании того факта, что в Швецию в качестве беженцев прибывают в том числе люди с высшим образованием, вынужденные в силу обстоятельств работать таксистами или пекарями, в пристальном внимании к роли женщины в жизни семей мигрантов, в элементах сравнения типов «восточной» и шведской, то есть западной женственности (при этом не в пользу последней) и т.д.

Среди авторов шведского происхождения, так или иначе затрагивающих в своем творчестве проблему миграции, можно назвать Ингер Браттстрём (1920-2018, шв. *Inger Brattström*), Майгуль Аксельссон (р. 1947, шв. *Majgull Axelsson*), Сару Кадефорс (р. 1965, шв. *Sara Kadefors*), Катарину Веннстам (р. 1973, шв. *Katarina Wennstam*). Среди авторов иностранного происхождения, играющих яркую роль на литературной сцене Швеции, необходимо особо отметить Теодора Каллифатидеса (р. 1938, шв. *Theodor Kallifatides*), Юнаса Хассена Хемири (р. 1978, шв. *Jonas Hassen Khemiri*), Юханнеса Аньюру (р. 1979, шв. *Johannes Anyuru*), Марджане Бахтияри (р. 1980, шв. *Marjaneh Bakhtiari*). Вопрос о том, справедливо ли относить творчество последних к так называемой «литературе мигрантов» (шв. *invandrarlitteratur*), мы оставляем за рамками данного исследования и относим все произведения, посвященные проблеме миграции, к «современному литературному постколониализму» независимо от происхождения их авторов.

Часто героями современной шведской литературы о мигрантах оказываются подростки, переживающие кризис культурной идентичности, связанный с теми или иными внешними причинами, например, с путешествием на родину, переездом в другую часть города, смертью одного из родителей и т.д. Их культурную

идентичность можно определить как гибридную (маргинальную) или постколониальную. Подобный тип культурной и личностной идентичности нередко присущ представителям этнических меньшинств и детям, происходящим из межэтнических семей.

Одна из особенностей такой идентичности – постоянная внутренняя оглядка на «Другое» в самом себе и демонстративное утверждение, а иногда и искусственное продуцирование этого Другого. В статье “Halfway House”, написанной для журнала “Artforum”, Хоми Баба обращается к «дому» как метафоре идентичности и развивает мысль о том, что дом – это не только место безопасности и комфорта, но также и место дезориентации и внутреннего разделения, однако такой опыт может в конце концов стать продуктивным в искусстве [7]. Как отмечает Т. Г. Стефаненко, внешне носители гибридной идентичности могут демонстрировать «моноэтническую идентичность» [4, с. 270]. Курт Левин описывает ситуацию гибридной идентичности как «человек... “нигде”... “маргинальный человек”, “вечный подросток»» [3, с. 345], что «является реальной угрозой как для личностного роста индивида, так и для общества в целом» [4, с. 270]. Таким образом, носителям гибридной культурной идентичности «свойственны многоголосие и неопределенность», что порождает «продуктивную дезориентацию» [2, с. 40].

На то, как герои выбирают культурную принадлежность и переживают кризис идентичности, неизбежно оказывает влияние связь протагонистов со старшим поколением женщин и общение с ними, через которое происходит передача культурного опыта. При этом часто связь героев с матерью (или другой старшей женщиной) как источником культурного начала не обрывается с прекращением реального общения.

Попытка исторически объяснить влияние Матери и женщины в целом на формирование культурной идентичности представлена в книге Парты Чаттерджи (англ. *Partha Chatterjee*) “The nation and its fragments” (1993) [8]. В частности, автор этого исследования подчеркивает, что публичная сфера (политика и экономика) стран третьего мира была колонизирована, вследствие чего для ее описания использовалась дискурсивная адаптация материальных благ, привнесенных колонизаторами, в то время как частная жизнь коренного населения стремилась отстраниться от колониального воздействия на нее. Данное положение вещей приводило к тому, что сохранение национальной культуры полностью ложилось на плечи женщины, а материнство как таковое становилось оружием в борьбе против колониализма (“*The public realm was colonized, but the inner domain of the domestic was kept ‘pure’. While the public realm sought to incorporate the material benefits and changes from the colonial, the nationalists also sought to keep the ‘spiritual’ or domestic realm pure from any such contamination. In other words, the preservation of a ‘national culture’... was the woman’s responsibility*” [цит. по: 9, р. 107]).

Нельзя не упомянуть выдвинутый С. де Бовуар в книге «Второй пол» (1949) [1], а впоследствии подтвержденный Найрой Юваль Дэвис (англ. *Nira Yuval-Davis*) [11] тезис о том, что женщины «порождают» не только новых людей, но также этничности и идентичности: «Истинное чудо – видеть, держать в руках живое существо, сотворенное в тебе, вышедшее из тебя. <...> Без нее [матери] ребенка бы не было, а между тем он ускользает от нее. Она испытывает тоску и удивление, видя его вне себя, оторгнутым от себя. <...> Женщине хотелось бы чувствовать ребенка своим так же уверенно, как собственную руку, однако все ощущения этого нового существа заключены в нем самом, он непроницаем, в него не проникнешь, он существует отдельно... <...> ...теперь же эта крошка законченный индивид, и он здесь, рядом, его могло бы и не быть, но он есть, хрупкий, требовательный» [1, с. 1045-1046].

Современный исследователь постколониальной литературы П. К. Найар в книге “Postcolonialism: A guide for the perplexed” (2010) [9] отмечает среди популярных тем постколониального письма роль матерей и глубокую связь между материнством и родиной (“*the intimate linkage between motherhood and motherland*”) [Ibidem, p. 103].

Постколониальная теория уделяет много внимания феномену слияния ландшафта, национальной идентичности и женщины в литературных и культурных репрезентациях. Как пишет П. К. Найар, родина в постколониальных романах часто представляется как материнское тело (“*The nation as ‘motherland’... conflates the body of the nation with the maternal body*”): «жертвенное, возвращающее, плодородное» (“*all-sacrificing, nurturing, fertile*”); родина – это дом и безопасность (“*the space of safety and home*”), но, как и материнское тело, родина постоянно находится под угрозой и ей нужны защита и почитание (“*something under threat, needing protection and to be revered*”) [Ibidem, p. 119].

Таким образом, женщины становятся неким «резервуаром традиций» (“*reservoirs of tradition*”) и «символом чистоты нации» (“*symbols of the nation’s purity*”) [Ibidem, p. 109]. Поэтому неслучайно именно матери и женщины старшего поколения передают протагонистам постколониальной литературы знания о стране предков. Предположительно от характера связи главных героев с матерью зависит их отношение к «родной» и «принимающей» культурам, а также формирование собственной культурной и личностной идентичности. Чтобы подтвердить или опровергнуть данное утверждение, обратимся к текстам современной шведской литературы о мигрантах.

Фигура Матери в романах М. Бахтиари и З. Бечевича

Марджане Бахтиари родилась в 1980 г. в Иране, но с раннего детства живет в Швеции, в мультикультурном южном городе Мальмё. Она изучала социальную антропологию и журналистику, но в итоге, не найдя своего призвания в данных областях, начала писать книги. Ее дебютный роман «Называй это, к чертям, как тебе хочется» (шв. “*Kalla det vad fan du vill*”) вышел в 2005 г. и разошелся тиражом более 100000 экземпляров в Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии. Второй роман «Можешь ли ты произнести “шибболет”?» (шв. “*Kan du säga schibbolet?*”) вышел в 2008 г. и во многом посвящен «открытию» вторым поколением мигрантов родины своих предков. Именно на этом романе мы сосредоточим внимание в данной статье.

Примером связи между поколениями, влияющей на становление культурной и личностной идентичности, могут быть взаимоотношения героинь романа тринадцатилетней девочки Барун и ее бабушки Шамси. Перед поездкой Барун и ее сестры Парисы в Иран, в ходе которой девочки должны были познакомиться со своими иранскими родственниками и открыть для себя персидскую культуру, бабушка попросила Барун привезти ей из Ирана горстку персидской земли. Просьба показалась девочке странной, но «она вспомнила и обновила в сознании немое обещание самой себе никогда не переставать жалеть свою бабушку. Шамси была **единственным**, что Барун рассматривала как **свое происхождение**. Или, по крайней мере, **что-то исходное**. Шамси не могла смотреть телевизор, не переспрашивая, о чем там шла речь... <...> Шамси даже не могла заказать пиццу по телефону. За все это Барун всегда жалела ее» (“*Men så mindes Baran och förnyade sitt tysta löfte till sig själv att aldrig sluta tycka synd om sin farmor. Shamsi var **det enda** som Baran betraktade som **sitt ursprung**. Eller i alla fall som **något ursprungligt**. Shamsi kunde inte titta på teve utan att fråga vad det pratades om... <...> Shamsi kunde inte ens beställa pizza på telefon. För allt detta hade Baran alltid tyckt synd om henne*” [5, p. 101]) (выделено автором статьи. Здесь и далее перевод автора статьи. – М. М.).

Примечательно, что в пожилой женщине, с трудом справляющейся с простыми бытовыми ситуациями в Швеции, Барун видит свои «истоки» и корни, несмотря на то, что сама живет жизнью обычного шведского подростка. Возможно, именно бабушка является для девочки символом целых поколений мигрантов, обреченных на одну и ту же судьбу. Посетив позднее бедный район Тегерана, где ничто не отличало ее – гражданку Швеции – от местного населения, Барун признается сама себе в том, что она «привыкла отражаться в Швеции, которая не отражала ее обратно, но все равно всегда была ее домом. Такая Швеция была целым миром, а все остальное – телевидением» (“*Baran var van vid att spegla sig i Sverige som inte speglade henne tillbaka men ändå alltid hade varit hemma. Det Sverige var världen och resten var teve*” [Ibidem, p. 288]).

В данном отрывке Барун понимает, что ее связь со Швецией, которая казалась ей такой очевидной с самого детства, была более иллюзорной, чем она привыкла думать. Вглядываясь в шведское общество, пытаясь найти в нем свое отражение, девушка не отдавала себе отчет в том, что оно не может до конца ее принять. Она была убеждена, что это ее дом, а весь остальной мир – нереальное «телевидение». Оказавшись в Иране, Барун осознает, что именно там в каждом лице она видит свое отражение, именно эта страна «отражает ее обратно». Впервые героиня понимает, что между ней и Швецией невозможно поставить знак равенства, в то время как Иран, родина бабушки, оказывается ближе и реальнее, чем она могла предположить.

Одновременно с этим в своей тоске по благополучной Швеции, которую она привыкла считать своим домом, в Тегеране Барун понимает тоску бабушки по Ирану, что еще больше внутренне сближает героинь. Разница в их тоске по дому в том, что бабушка тоскует по родине своей молодости, находясь в чужой стране, а Барун скучает по Швеции, будучи в Иране – на земле предков, которая одновременно такая чужая и родная для нее.

О том, что она забыла привезти бабушке горстку иранской земли, Барун вспомнила лишь по приезду на пороге своего дома в пригороде Мальмё. Не желая расстраивать бабушку, она набрала земли из ближайшей канавы и отнесла ей. Разумеется, бабушка не заметила разницы.

То, что бабушка не заметила подмены, довольно символично. Нюхая землю из шведской канавы, Шамси повторяет:

«Ах, – сказала она громко и восторженно, – как пахнет Ираном!».

Да, пахло **в точности так**, как она помнила эту страну» (“*Åh, sa hon högt och förtjust, ‘det luktar Iran’. Ja, det luktade **precis** som hon mindes landet*” [Ibidem, p. 347]) (выделено автором статьи. – М. М.).

Часто мигранты окружают себя предметами быта из родных стран, местной едой, одеждой и т.д., чтобы в некотором роде «приблизить» родину. То, что совершает Шамси, идет гораздо дальше бытового включения родины в каждодневный контекст. Она наполняет ванну водой и высыпает в нее весь пакетик с землей, будучи уверенной, что погружается в «персидскую землю». В данном эпизоде проявляется особая связь между женщиной и ландшафтом, Шамси символически превращается в Иран в своем воображении: «Она загребла рукой пригоршню воды и вылила ее на плечо и смотрела, как грязная вода превращается в маленькие коричневые липкие ручейки, бегущие вниз по ее руке. Она наклонилась вперед... и позволила грязи объять ее и подплывать все выше и выше к краю ванны, в то время как она делала глубокие, ценные для себя вдохи и вспоминала прошлое каждой порой своего тела» (“*Hon tog en näve vatten och hållde det på axeln och såg hur det smutsiga vattnet bildade små bruna geggiga åar som rann nerför hennes arm. Shamsi lutade sig framåt... och lät snusket omge henne och flyta högre och högre upp i badkaret medan hon drog djupa värdefulla andetag och mindes det förflutna med varenda por i kroppen*” [Ibidem]).

Иран – это неизбежная боль и любовь Шамси, то, что она не успела прожить в реальности и пытается прожить в воображении. Ее тело превращается в поля и горы Ирана, через нее протекают реки. Ирония и трагизм этого «ландшафтного превращения» в том, что Шамси превращается не в Иран, а в Швецию – страну, которую рано или поздно освоят если не ее дети, то внуки.

В данном романе истинную связь с родиной репрезентирует именно бабушка, а не мать сестер Парисы и Барун. Бабушка сохранила особую, аутентичную манеру иранских женщин себя держать, она «сохранила» в себе Иран, но удалось это ей по причине почти полной неадаптации в шведском обществе. Мать девочек – Нушин – так или иначе стремилась к интеграции, пыталась учить язык и найти работу. Сохраняя и воспитывая в дочерях любовь к «родному» персидскому языку, она, однако, всеми силами пыталась воспрепятствовать их путешествию в Иран, формируя у сестер желание опасаться или даже стыдиться родной культуры. Интеграция Нушин прошла чуть более успешно, чем у свекрови, однако, по сути, она разделила судьбу многих женщин, потерявших одну родину и не обретших другую: «Нушин дала им [детям] новую страну и жизнь,

но в придачу им досталась еще и мама-иммигрант» (*“Noushin hade gett dem ett nytt land och liv, men de hade också fått en invandrare till mamma”* [Ibidem, p. 274]).

Именно поэтому связь между поколениями в романе идет через бабушку, «сохранившую» родину внутри себя, а не через мать, которая в попытках вести шведский образ жизни потеряла часть своей персидской идентичности. Нельзя, однако, отрицать присутствия Нушин в жизни девочек и желания для них лучшей жизни. Именно благодаря ей сестры выучили фарси, что позволило им без труда общаться с родственниками в Иране, а также с бабушкой, которая так и не освоила шведский язык. Барун и Париса не столько не осведомлены о своей культурной идентичности, сколько не считают ее чем-то важным и основополагающим: отец построил успешную академическую карьеру на новой родине, семья живет в отдельном доме и благополучна в материальном плане, родители не навязывают детям жизни по правилам их родной страны, даже наоборот, хотят, чтобы девочки росли как шведские подростки и прикладывают для этого все усилия. Если бы не бабушка, совершенно не приспособившаяся к Швеции и живущая по-прежнему внутри себя в Иране, Барун вряд ли бы когда-нибудь всерьез задумался вопросом, кем она является и что ее отличает от шведских одноклассников. Поездка в Иран обнажает всю сложность гибридной культурной идентичности, ведь, по сути, ни одна страна не является для них полностью родной (на родине предков они никогда до этого не бывали и знали о жизни там только по рассказам старших, а в Швеции росли в семье мигрантов, что также нельзя назвать гомогенной культурной средой). Именно благодаря связи с бабушкой и сравнению своих переживаний в Иране с ее чувствами в Швеции Барун впервые осознает, что ее родина – Швеция, однако она приходит к выводу, что культура предков – неотъемлемая часть её самой.

В другом шведском романе мы наблюдаем более редкое явление, имеющее, однако, место быть, а именно недостаток духовного присутствия матери в жизни подростка-протагониста, что приводит его к полному отсутствию какой-либо идентичности как таковой и потере себя как личности. Зульмир Бечевич, написавший роман, родился в Орашье (Босния и Герцеговина) в 1979 г., но в 1992 г. его семья бежала в Швецию. Именно это событие лежит в основе его дебютного романа «Путешествие, которое началось с конца» (шв. *“Resan som började med ett slut”*), вышедшего в 2006 г. Однако роман, к которому мы обратимся в данной статье, – это «Дневники Свенхаммеда» (шв. *“Svenhammets journaler”*, 2009).

Главный герой романа – подросток по имени Свенхаммед, который ведет дневник. Необычное имя, совмещающее в себе «Свен» и «Мохаммед», родители дали ему для того, чтобы объединить в сыне два культурных начала. Однако с самого начала своих записей он сообщает: «1. Я родился в Швеции, но я не швед. 2. Я знаю шведский лучше, чем шведы, но я не швед. 3. Шведский, вообще-то, единственный язык, который я знаю, но я все равно не швед. <...> 8. Я проживаю в Швеции, но я в ней не живу. <...> 9. Я никогда не смогу стать шведом. 10. Я бы, наверное, никогда и не захотел бы стать шведом» (*“Ett: Jag är född i Sverige, men jag är inte svensk. Två: Jag kan svenska bättre än svenskarna, men jag är inte svensk. Tre: Svenska är faktiskt det enda språk jag kan, men jag är ändå inte svensk. <...> Åtta: Jag bor i Sverige, men jag lever inte i Sverige. Nio: Jag kan aldrig bli svensk. Tio: Jag skulle förmodligen aldrig vilja bli svensk”* [6, p. 7-8]).

По ходу повествования выясняется, что отношения в семье очень тяжелые. Отец бьет детей и не является для них примером для подражания. Мать, в отличие от многих других матерей в романах о мигрантах, является фигурой абсолютно размытой. Она родила Свенхаммеда, когда ей было 16 лет, и живет по законам, навязанным ее культурными традициями: «Мама ничего не знает, а ее доброта граничит слишком часто с глупостью. Она никогда не может дать мне хорошего совета, я редко слышал, чтобы она рассказывала что-то интересное. Единственное, что она может – это стоять у плиты и готовить блюда целый день, блюда, которыми потом воняет по всей лестничной клетке. <...> Иногда я думаю, а не отстает ли она в развитии, может, ей не хватает какой-то хромосомы; и в таком случае можно ли было бы ее еще как-то “починить”. На самом деле я не чувствую к ней никакой жалости вообще, она только действует мне на нервы своим поведением» (*“Morsan kan inget, och hennes snällhet gränsar alltför ofta till dumhet. Hon har aldrig haft några bra råd att ge mig, jag har sällan hört henne säga något intressant. Det enda hon kan är att stå vid spisen och fixa maträtter som tar hela dan att tillaga, maträtter som stinker ner hela trappuppgången. <...> Ibland undrar jag om hon är lite efterbliven, om hon kanske saknar nån kromosom, och i så fall om man på nåt sätt skulle kunna laga henne. Egentligen tycker jag inte alls synd om henne, hon bara springer mig på nerverna med sitt beteende”* [Ibidem, p. 10-11]).

Родители никогда не разговаривали со Свенхаммедом на каком-либо другом языке, кроме шведского (важно при этом отметить, ломаного шведского): «Я так никогда и не получил возможности изучать мой родной язык. Я никогда им этого не прощу» (*“Jag fick aldrig möjligheten att lära mig hemspråket. Jag kommer aldrig förlåta dem för det”* [Ibidem, p. 15]).

Интересно, что читатель так и не узнает, из какой же страны прибыли родители Свенхаммеда. Примечателен эпизод, когда учитель, сам по происхождению югослав – Александр Маркович, спросил, откуда Свенхаммед родом:

- «– Так откуда приехал Свенхаммед?
- С района, – ответил я.
- <...>
- Понимаю, ты хочешь сказать, что ты живешь на районе, но каково твое происхождение, откуда приехали твои родители?
- Я родился в Швеции. Я такой же швед, как и Вы.
- <...>
- Разумеется, – сказал Алекс, – но опять же, я спрашиваю о твоем происхождении, откуда твои родители, какой твой родной язык? Я, например, – сказал он и показал на себя, как будто бы я был каким-то тормозом

и не понимал, о чем он говорит, – я тоже родился в Швеции, но мои родители прибыли из бывшей Югославии, поэтому я швед с югославскими корнями. А ты швед с... корнями из какой страны?

<...>

– Но поймите же, у меня нет никакого другого происхождения... у меня нет никаких корней... у меня нет другого родного языка... я говорю только по-шведски, – ответил я, и по какой-то причине, я не знаю, почему, я почувствовал, как стыд пронизывает все мое тело» («*Var kommer Svenhammed ifrån då?*» – «*Från orten*», svarade jag. <...> – «*Visst, det du vill säga är att du bor i orten, men vilket är ditt ursprung, varifrån kommer dina föräldrar?*» – «*Jag är född i Sverige. Jag är lika mycket svensk som du*». <...> – «*Absolut*», sa Alex, «*men återigen, det jag frågar efter är ditt ursprung, varifrån dina föräldrar kommer, vilken ditt modersmål är. Till exempel*», sa han och pekade på sig själv som om jag var utvecklingsstörd och inte fattade vad han menade: «*Jag är också född i Sverige, men mina föräldrar kommer från forna Jugoslavien, alltså är jag svensk med jugoslaviska rötter. Och du är svensk med... rötter i vilket land?*» <...> – «*Men fatta, jag har inget annat ursprung... jag har inga rötter... jag har inget modersmål... jag kan bara svenska*», svarade jag, och av nån anledning, jag vet inte varför, kände jag skammen genomsyra min kropp» [Ibidem, p. 41-42]).

Можно сделать вывод о том, что в романе идет речь о «желании принадлежать определенной культуре» и «желании владеть культурой» (по аналогии с англ. *cultural (be)longing* [9, p. 146-147]), на которую можно было бы «положиться» в трудных ситуациях, каковыми могут являться отсутствие у героя близких друзей, незнание в полной мере ни одной из культур, стереотипизированное восприятие мигрантов шведами и т.д. Герой не может определиться, кем по происхождению является, так как шведское общество он изначально не рассматривает как «свое», на что, несомненно, повлияло его происхождение из семьи мигрантов, однако и «родная» культура оказывается для него закрытой вследствие того, что он не имеет должной связи с родителями, и особенно с матерью. В результате Свенхаммед отказывает себе в наличии какой-либо культуры. При этом важно отметить чувство стыда, испытываемое протагонистом по причине того, что он не имеет культуры, на которую мог бы «опереться» и которая могла бы выступать в качестве его «дома».

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Второе поколение мигрантов в рассматриваемых романах – часто подростки, проходящие сложный этап формирования личности, которые сталкиваются также с проблемой определения культурной идентичности. Согласно установкам постколониальной теории, это объясняется тем, что они с самого начала оказываются «замкнутыми» между культурой страны, в которой живут, и культурой своих родителей, даже если сами никогда не были на родине предков и не знают иного языка, кроме шведского, что приводит к формированию гибридной культурной идентичности. Культурный опыт часто передается от поколения к поколению через мать (или бабушку), а не через отца, что объясняется тем, что воспитанием молодого поколения исторически занимаются женщины, в то время как мужчины стараются обеспечить семью материально.

В исследуемых произведениях представлены две разные модели взаимоотношений протагонистов с матерями и женщинами старшего поколения. Так, в романе «*Можешь ли ты произнести “шибболет”?*» М. Бахтиари мать протагонистов смогла передать им владение родным языком и фоновые знания о персидской культуре. Пытаясь адаптироваться в Швеции, она, однако, утратила до некоторой степени свою культурную идентичность иранки, что привело к попыткам воспрепятствовать поездке девочек в Иран и стремлению привить им шведский образ жизни. Разумеется, подобное поведение матери не способствует самоидентификации протагонистов как представителей персидской культуры. Однако неочевидная связь одной из главных героинь с бабушкой, совершенно не адаптировавшейся в Швеции и тоскующей по родине, является фактором, повлиявшим на принятие девочкой обеих частей своей культурной идентичности. Во время поездки в Иран девочка впервые осознает и принимает свою персидскую «составляющую», на что, несомненно, повлиял тот факт, что она всегда воспринимала бабушку как «нечто исходное», и путешествие на родину предков лишь подтвердило эту «догадку». Одновременно с этим во время поездки в Иран героиня осознает, что её дом – Швеция, и в своей тоске по родине она узнает тоску бабушки по стране своей молодости. Именно поэтому просьба бабушки привезти ей горсть персидской земли уже не кажется ей такой странной, ведь теперь она на своем опыте знает, что значит тосковать по родной стране. В романе З. Бечевича «*Дневники Свенхаммеда*» герой не имеет связи ни с одним из родителей: отец применяет в воспитании детей физическую силу и внушает им только страх, а мать вызывает у протагониста лишь раздражение, так как он не может сказать про нее ничего определенного. Родители, и особенно мать, занимающаяся воспитанием детей, не передали им ни своего культурного опыта, ни знания родного языка, что приводит к тому, что главный герой чувствует стыд за то, что окружение не воспринимает его как шведа, в то время как он не имеет знаний ни об одной другой культуре, кроме шведской. В результате герой оказывается в состоянии «нигде» и отказывает себе в наличии какой-либо культурной принадлежности.

Подводя итог, можно сказать, что на становление культурной идентичности героев романов о мигрантах влияют их взаимоотношения с матерью или другими старшими женщинами в семье. Чем сильнее их связь с детьми, чем больше женщины рассказывают о родине предков и передают культурный опыт, тем легче новому поколению признать свою инаковость по отношению к принимающему обществу, не потеряв при этом гармоничной связи с последним. Если же должной связи со старшей женщиной в семье не существует,

протагонист испытывает еще больший стресс, так как шведская культура не является родной в силу того, что он родился в семье мигрантов, а знаний о культуре старшего поколения, на которую он мог бы «опереться», ему недостаёт. В рассматриваемых романах связь между протагонистами и матерями не является для них очевидной; влияние матери на культурную самоидентичность героев происходит на уровне их подсознания, что подтверждает мысль о существовании универсальных психологических и культурных механизмов и позволяет говорить о современной шведской литературе как о части литературы постколониальной.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в том, чтобы продолжать работать с постколониальными установками, влияние которых можно обнаружить в современной шведской литературе о мигрантах: концепт ВЫМЫШЛЕННОЙ РОДИНЫ (“IMAGINARY HOMELANDS”) [10], умножение социолектов, ненамеренное и намеренное искажение шведского языка для более глубокого и полного отражения культурного опыта, вставки фрагментов на родных языках авторов, а также наличие в тексте культурных маркеров и отсылок к местным литературным традициям.

Источники | References

1. Бовуар С. де. Второй пол / пер. А. Сабашниковой. СПб.: Азбука, 2017. 1300 с.
2. Крюгер В. Идентичность - альтеричность - гибридность // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII-XIX веков: материалы конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 25-43.
3. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. 408 с.
4. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2004. 368 с.
5. Bakhtiari M. Kan du säga schibbolet? Stockholm: Ordfront, 2008. 423 p.
6. Bečević Z. Svenhammends journaler. Stockholm: Alfabeta Bokförlag, 2009. 186 p.
7. Bhabha K. N. Halfway House [Электронный ресурс] // Artforum. 1997. Vol. 35. № 9. URL: <https://www.artforum.com/print/199705/hybridity-32808> (дата обращения: 03.04.2021).
8. Chatterjee P. The nation and its fragments: Colonial and postcolonial histories. Princeton: Princeton University Press, 1993. 296 p.
9. Nayar P. K. Postcolonialism: A guide for the perplexed. L.: Bloomsbury Continuum, 2010. 248 p.
10. Rushdie S. Imaginary homelands // Rushdie S. Imaginary homelands: Essays and criticism, 1981-1991. L.: Granta, 1991. P. 9-21.
11. Yuval-Davis N. Gender and nation. L.: Sage, 2002. 158 p.

Информация об авторах | Author information

Моркина Марта Александровна¹

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Morkina Marta Aleksandrovna¹

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU)

¹ marta.morkina@mail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.04.2021; опубликовано (published): 31.05.2021.

Ключевые слова (keywords): постколониализм; культурная идентичность; фигура Матери; современная шведская литература; литература мигрантов; postcolonialism; cultural identity; Mother figure; modern Swedish literature; migrant literature.